

ЗА НАПЕЧАТАННОЙ СТРОКЕ

ТРИ НОВЕЛЛЫ О «ТОЧКАХ ЗРЕНИЯ»

1. Случай с молодым журналистом

Об этой истории мне рассказывали не раз, причем рассказывали подробно, поэтому она, освещенная столькими глазами очевидцев, и сейчас, спустя четыре года, даже четыре года с лишком, выглядит так, как будто произошла вчера. Хотя, сразу оговорюсь, уже вчера события развернулись бы совсем по-другому...

Итак, начнем с того, что в морозный январский день шестьдесят третьего года по улице города Вологды шагал молодой журналист, впрочем, более известный как лицо должностное, чем как творческое. В портфеле у него лежал номер журнала с рассказом А. Яшина «Вологодская свадьба».

Сейчас, по прошествии времени, когда поулеглись страсти, вызванные не столько самим рассказом, сколько той историей, о которой я скажу ниже, сочинение А. Яшина спокойно заняло свое место в литературном ряду, и я вовсе не собираюсь тут устраивать запоздалый литературно-критический разбор. Когда рассказ появился в свет, такого профессионального литературного разбора не было. То, что становится сегодня нормой литературной жизни (творческие дискуссии, об-

Георгий РАДОВ

суждение рукописей и опубликованных работ), тогда миновало произведение А. Яшина. Думаю, правда, что если б в ту пору, а именно в декабре 1962 года, состоялось подобное обсуждение, у рассказа нашлись бы не только сторонники, но и противники. Наверное, были бы высказаны не только похвалы автору, но и упреки в его адрес. Но это, еще раз говорю, могло быть в условиях литературной дискуссии, профессионального разговора. Ни того, ни другого не было. Ложка же хороша к обеду...

Так что отложим в сторону рассказ — Яшин работает нынче над новыми произведениями, — а вернемся к бодро шагающему молодому человеку. Зачем ему понадобилась «Вологодская свадьба»? А затем, чтобы ее опровергнуть. Опровергнуть рассказ?! Да, представьте себе, вполне образованный молодой человек для своего удобства сделал вид, что рассматривает художественное произведение как фотографию с натуры. Свадьба-то названа вологодской, а не костромской и не саратовской! Значит, ему, молодому человеку, вроде и дела нет до того, что герои рассказа не существуют в жизни под теми же именами, что деревни Сушиново нет на географической карте. Ему-то нужно было непременно доказать, что Александр Яшин возвел напраслину на всю Вологодчину и на Никольский район, в котором родился. Именно с таким замыслом и намерением — опровергнуть Яшина — он и приехал в Вологду!

Но позвольте, скажет читатель, Яшин ведь не писал социально-экономическое исследование жиз-

ния пияльского района. Он написал то, что написал: свадьбу, пир в северной лесной деревне, написал людей, которые ему очень нравятся, и людей, которых он хотел бы видеть лучшими, чем он их увидел, и людей, которые ему не нравятся вовсе. И вместе с тем сказал о том, что тревожило тогда и крестьян и его самого: о всякого рода несообразностях в ведении сельского хозяйства и вообще в деревенской жизни конца пятидесятых и начала шестидесятых годов...

Об этом последнем, замечу, он сказал крайне мало. Реальная действительность той поры давала все основания для более серьезного разговора. В «Лилягах» Сергея Крутилина, в отличной, ни за что ни про что замордованной в критических перепалках повести Михаила Алексева «Хлеб — имя существительное», наконец, в повести Чингиза Айтматова «Прощай, Гюльсарин!», то есть в произведениях, опубликованных после яшинского, обо всем этом сказано и откровеннее и острее.

Только вот ведь нюанс: в той не очень грамотной заметке, которая появилась в результате деятельности молодого человека, Яшина упрекали за то, что он, дескать, пишет старую деревню, не замечая новой деревни. Но пусть скажут люди постарше: бывало ли в старой деревне такое, чтобы гости, сошедшие на свадебный пир, в совершенно неподходящих обстоятельствах заговорили вдруг о делах государственных? Нет, не бывало так! Только в новой, нашей, советской деревне могло родиться такое заинтересованное отношение к делу общественному, как будто оно личное. Отрывочные — а какими же они могли еще и быть на свадьбе? — разговоры, если перевести их на язык формулировок, касались и нарушения ленинского принципа материальной заинтересованности, и опять же нарушений колхозной демократии, и того, что деревня еще плохо снабжается товарами городского производства, и того, что в одной из двух деревень, описанных писателем, пока очень худо с культурой...

Все это была правда, точнее, отражение правды жизни в художественном произведении. Повторяю, не полное отражение: разговоры-то шли в пиру...

И с ней, с этой правдой, молодой журналист столкнулся уже не в рассказе Яшина, а в самой действительности. Пусть — я допускаю это — он мог не разобраться и не разобрался в том, как ведется на Вологодчине сельское хозяйство. Но он слышал и от коллег-журналистов и от других местных работников, что молодежь покидает село, что клубов мало, что они не оборудованы, что кинопередвижки вовсе не добираются до дальних деревень...

Такой представляла вологодская действительность перед молодым журналистом, и надо было занять позицию. Уже не по отношению к рассказу, а по отношению к жизни. Надо было решать, самому решать, как действовать. Ему,

молодому человеку, могла нравиться или не нравиться «Вологодская свадьба» — это другой разговор! Он мог, как и каждый читатель, а тем более журналист, выступить с критикой рассказа сам, под собственным именем, и это другой разговор... Но он в любом случае не мог отмахнуться от правды действительности.

Я мысленно ставлю на место этого парня знакомых бойцов-журналистов, в том числе и молодых, скажем, из той же «Комсомольской правды». Да если б каждому из них даже позарез хотелось отрецензировать рассказ Яшина, они отложили бы это занятие до возвращения из поездки, а занялись тем, что узнал этот парень. И встревожились бы не на шутку, и, что называется, «врезались» бы в проблему, и исследовали ее вдоль и поперек, и выступили в газете, и всколыхнули и местную комсомолку и местные власти, то есть они поступили бы так, как сами же поступали в других случаях и как, кстати, в подобном случае именно в ту пору действовал Центральный Комитет комсомола, поднимая молодежь на помощь селу...

Тут ведь есть одна особенность. То, что с культурой на селе плохо, ни для кого не было секретом, и еще одно выступление журналиста в прессе вроде бы и не открывало ничего нового. Но у Вологодчины своя специфика, что, кстати, и заметил А. Яшин. Дальний северный лесной край. Двенадцать тысяч крохотных деревень. Масса своих, именно вологодских, особенностей и трудностей, которые вовсе неведомы многим другим областям страны. Одна только электрификация этого неоглядного лесного края — дело в высшей степени сложное и дорогое. И если б, еще раз говорю; журналист был озабочен жизнью людей...

Но не это, совсем не это заботило молодого человека. Он-то ехал с совершенно определенным замыслом!

Замысел и действительность... Что ж, в газетной практике это случается: в редакции задумывают какой-то «гвоздь», острое выступление, но журналист выезжает на место и обнаруживает, что жизнь вовсе не такова, какой она виделась из редакционных кабинетов. И он, как честный человек, либо возвращается в редакцию, как говорит, с пустыми руками, либо привозит нечто совершенно противоположное тому, зачем ехал. И доказывает и отстаивает свою точку зрения...

Молодой человек в ту пору преуспевал по службе и вовсе не хотел неприятностей. Он хотел исполнить свой замысел во что бы то ни стало, любой ценой и вопреки всему! Поэтому он отмахнулся от большой, беспокоящей людей и крайне важной для общества проблемы и, уже не думая ни о чем, с легким сердцем принялся за дело — и прежде всего разыскал... «автора из деревни».

О эти подставные фигуры, употребляемые в тех случаях, когда журналисту хочется укрыться за

чьей-то спиной! Как несвойственны они самому характеру нашей печати! Как унижают ее достоинство!

«Автор» был найден в пединституте по одному признаку: он был земляк Александра Яшина, но, к огорчению журналиста, оказался весьма невысокой кондиции. Он учился посредственно, а порой и манкировал занятиями, в общественной жизни был крайне пассивен. И было, разумеется, что-то неловкое в том, что пожилого, знающего писателя-фронтовика будет учить уму-разуму, а именно пониманию жизни, столь незавидный студент. Но он был под рукой, и журналист легко пошел еще на одну уступку собственной совести.

Что же до «автора», то он, не успевший в ученье, даже обрадовался возможности отличиться на иной, а именно на литературно-критической, стезе. Парень, что называется, был не промах, журналиста он понял с полуслова и тут же, в редакции, наскоро прочел привезенный молодым человеком рассказ (журнал еще не дошел до Вологды) и уселся за стол опровергать Александра Яшина.

Нужно отдать справедливость работникам местной комсомольской газеты. Как пишут мне воложане, они, местные журналисты, горячо возражали против заметки студента. Но приезжий товарищ был настырен, и она появилась.

Я перечитываю ее сегодня, и все это кажется какой-то небезья. Прошло только четыре года, но совсем по-другому и на языке-то другом рассуждают нынче о жизни наши газеты.

Приведу лишь один, главный тезис, для утверждения которого молодой журналист-организатор подобрал «автора из деревни»:

«Нет, не прав А. Яшин, описывая жизнь нашего села. Такие деревни, как Сушиново, где нет ни электричества, ни радио, ни библиотеки, ни клуба, теперь редкость! А у автора единичный случай выглядит как типичный...»

Вот же ведь как! Значит, такие деревни, как яшинское Сушиново, тогда, в 1962 году, были на Вологодчине «редкостью», а «единичный случай» в рассказе выглядел «как типичный».

Между прочим, в рассказе Яшина, как я уже говорил, описана не одна деревня, а две, и в одной (у невесты) нет электричества, а в другой (у жениха) оно есть...

А как было в вологодской действительности?

Достаю данные официальной статистики на 1 января 1963 года. В области было тогда триста семьдесят пять колхозов, и из них больше трети — сто тридцать три — вовсе не имели электричества! Но эти цифры еще не обо всем говорят. В каждом вологодском колхозе было в ту пору от тридцати до сорока деревень (в среднем тридцать две деревни), а электрифицированы были, как правило, только центральные усадьбы колхозов и фермы. Тысячи, многие тысячи деревень жили при керосиновых лампах. «Редкость»?!

А как было с очагами культу-

и на осях вопреки пожеланию публицист-«деревенщик» отвечает отрицательно: невозможно, а главное — не нужно!

Честное слово, в первый раз, прочтя эти «письма», я усомнился в реальности окружающей обстановки. Да неужто и впрямь это написано и напечатано в декабре 1966 года?!

Да, написано и напечатано. Читайте. О доярках:

«...доярок действительно многовато. Средний штат на одну молочную ферму—двадцать доярок. По четырнадцать коров на доярку. Тут техники еще нет, и тут, очевидно, техника (какая-нибудь «елочка») могла бы это количество доярок сократить.

Но надо ли?

Я не шутя задаю этот вопрос, потому что я видел на своем веку не одну и не две «елочки», а может быть, несколько десятков — и в колхозах и в совхозах, — и все они только удорожали производство... Всякая замена доярки электродоеением уменьшала надой. Я знаю, почему уменьшала. Потому, что корова любит человеческую ласку, а не электрическую вытяжку... То же и с кормлением. Коровы не любят «электрокормления». У доярки — четырнадцать коров... У каждой коровы свой характер и свои привычки. Электричество к этому не может прировняться. Словом, «техники такой, которая отменила бы доярку (она же кормилица и воспитательница коров), нет и, может быть, такая техника и не нужна. Нет ничего выше и благороднее труда доярки (разве что труд земледельца), и племя это женское — любящее и самоотверженное — надо беречь, а не сокращать...»

Поставим на этом точку и подумаем.

Во-первых, о некомпетентности автора. Она поразительна и, я бы сказал, демонстративна. Скажем, никто, вероятно, кроме К. Буковского, не знает, что такое «электрокормление», которого коровы «не любят». Может, речь идет о механической раздаче кормов? Но при чем тут характер и привычки коров, к которым «электричество не может прироваться»? Доярка или скотник засыпают для всех коров корм в общую кормушку, и то же самое делают и тракторные кормораздатчики и транспортеры. Ни в одном, ни в другом случае ни «характер», ни «привычки» коров не учитываются. Коровы интересуются лишь тогда, когда не хватает кормов. Тут уж страдают все коровы, совершенно независимо от их характера и привычек. То же и с «елочкой». Буковский отождествляет эту доильную установку с машинным доением вообще, а это не одно и то же. «Елочка» — хороши они или дурны — но созданы главным образом для беспривязного содержания скота, а оно не всем доступно! Тут нужно иметь и кормовую досталь и «мощные выгульные площадки». Машинное же доение вообще применимо при любой системе содержания скота, в любой климатической зоне, на любой ферме.

2. Случай с пожилым «деревенщиком»

Мне трудно рассказывать об этом прискорбном случае. Речь пойдет о человеке, чья последняя книжка меня искренне обрадовала.

Но рассказывать следует.

Константин Буковский проделал сложный путь в публицистике. Фронтовой литератор, он, вернувшись с войны, стал одним из тех «сентиментальных» очеркистов, которых потом сам же высмеивал. Послевоенную деревню видел и писал только в одной краске — в розовой. А уже создавались и печатались овечьинские «Районные будни», лежали на письменных столах произведения В. Тендрякова, А. Калинина, С. Залыгина, Л. Иванова, Е. Дороша. И очеркист замолчал на несколько лет, видно, задумался и над жизнью и над собственной позицией. И вот уже в начале шестидесятых годов в текущей периодике один за другим стали появляться деревенские очерки К. Буковского совсем другого толка! Достоверность, дошное желание докопаться до сути явления, беспощадность к шаблону и при всем том попытки обнаружить реальные силы, которые могут вывести нашу деревню из трудного положения (вспомните «Портрет делового человека»), — все это и вызвало интерес к очеркам, которые составили книжку «Все о деревне»...

А после нее и интересного журнального очерка о малых городах — два последних выступления К. Буковского в десятой и двенадцатой книжках журнала «Октябрь» за прошлый год... Не буду говорить о первом, литературно-критическом. Скажу о втором, о «Трех письмах из колхоза». Это не художественное, а социально-экономическое исследование, с такой меркой к нему и подойдем (замечу в скобках, что сочинения подобного рода, скажем, «Четверть лошади» Глеба Успенского, всегда принадлежали литературе).

Итак, три письма. Два из них — о женском труде в колхозах.

У Ярослава Смелякова есть две строчки в широко известном стихотворении. Строчки эти венчают стих и не просто запоминаются, а жалят, неотступно преследуют, стучатся в душу:

...Сквозь эти женские лопаты,
Как сквозь спицрутены, иду!

Всего две строчки, но в них и картина жизни и отношение к ней художника. Его позиция: «как сквозь спицрутены...»

К. Буковский пишет о двух еще не взятых нами (и, добавляю, далеко не единственных) крепостях женского ручного труда в деревне: свеклосеянии и молочном животноводстве. Ставит два вопроса: возможно ли одолеть эти крепости, то есть облегчить труд свекловичниц и доярок, и нужно ли это делать?

Ну, а пошла ли кривда впрок ее затейщикам? Что касается бывшего студента — совсем не пошла! Видимо, возмнив себя готовым «поучителем» писателей, он вовсе забросил занятия и не смог сдать государственных экзамены в положенное время. А «организатор»? Он уже по другому поводу был понижен в должности и работает нынче непосредственно на журналистской ниве. Пошел ли ему на пользу урок, преподавший жизнью и не забытый людьми? Не ведаю. Время покажет. Дела покажут...